

[Поэтому я сказала ему не приходите.]

— Вы скоро исчезнете.

[...]

— Если вы будете продолжать в том же духе, то скоро исчезнете.

[Я знаю.]

— Знаете, но продолжаете это делать?

[Я ничего не могу с собой поделать.]

Как будто она уже хорошо узнала об этом от Жнеца Хавела, бабушка Директриса только улыбнулась при слове «исчезнете».

[Но я нужна этим детям.]

— Что могут сделать мёртвые.

[...]

— Вы ведь даже сейчас присматриваете за детьми?

[Я...]

— Разве это важнее, чем исчезновение?

Камилла прищёлкнула языком.

— Здешние работники смогу прекрасно с этим справиться. Неужели вы действительно не доверяете людям, которых подбирали для работы в детском доме?

Из уст бабушки Директрисы вырвался долгий вздох.

[Это потому, что я переживаю.]

— Из-за чего?

Бабушка Директриса перевела взгляд на главное здание.

[Из-за моего сына.]

* * *

— Что?

— Я сказал сократить расходы на питание.

Её сын, занявший новый пост вместо недавно ушедшей из жизни Директрисы, был довольно молодым человеком лет тридцати пяти.

Первое, что он сделал, когда его назначили здесь директором, - собрал и проверил все книги учёта детского дома. А сегодня он собрал руководство детского дома и дал новые указания.

— Дело не только в питание, — он взял стопку книг и прищёлкнул языком. — Сумма потраченных денег слишком велика.

Бросив книги обратно на стол, он пристально посмотрел на тех, кто стоял перед ним.

— Они дети аристократов? Почему еду для детей готовят из таких высококачественных ингредиентов? То же самое и с одеждой. Есть много одежды, которая намного дешевле этой. Тск.

— Но обо всём этом распорядилась бывшая Директриса.

— Верно. Покупайте всё, чем пользуются, что едят и что хотят дети, только самое лучшее...

— Прекратите.

Он немедленно оборвал слова, как будто не хотел ничего больше слышать.

— Вот почему я хочу всё это изменить.

Новый Директор, Хеман. Ему не нравилось всё, что делала его мать.

— Не стоит заниматься настолько расточительной благотворительностью.

Семья Хемана была семьёй, которая занималась бизнесом на протяжении нескольких поколений и имела приличное состояние.

Однако с раннего детства и до сих пор Хеман никогда по-настоящему не ощущал, что его семья богата.

Почему? Потому что у него никогда не было шанса насладиться богатством?

— В чём разница между мной и сиротами?

Мама воспитывала его не так уж иначе, чем других детдомовцев. Он ел ту же еду, которую ели эти дети, а также носил ту же одежду, которую носили они.

«Нет, скорее, я был отодвинут назад, потому что биологический сын».

Так как же он выглядел в глазах других?

Все относились к нему как к сироте, оставшимся без родителей. Нет, было бесполезно кричать, что он не сирота.

«Не говоря уже о моём отце и моей матери...»

Приоритет отдавался детям из приюта, а не биологическому ребёнку.

В дополнение к государственным субсидиям большая часть прибыли от других проектов была направлена на детей из приюта.

«С какой стати я должен это делать?»

Чем старше он становился, тем больше не понимал своих родителей. То же самое было, когда умер его отец и когда умерла мать, у них всегда была к нему одна просьба.

Пожалуйста, позаботьтесь о детях.

Такова была их последняя воля. Происходит ли нечто подобное в других детских домах? Ни за что. Там руководство занято тем, что кладёт себе в карман государственные субсидии.

Но в этот чёртов детский дом они отдавали всё, что у них есть, даже богатство, которым владели.

— Сообщайте мне о каждом платеже, который будет совершён с сегодня дня.

— Но...

— У вас есть какие-нибудь жалобы?

— Это!..

— Эти люди могут выходить прямо сейчас. Я точно рассчитаю выходное пособие и выдам его вам.

Все закрыли рты. Большинство людей, которые сейчас собрались здесь, проработали здесь более 20 лет.

Это было место, которому они посвятили свою жизнь и где была их любимая семья. Как они могли оставить после себя столько детей?

Все просто склонили головы при словах нового Директора.

* * *

— Разве это не очевидно?

[Конечно.]

— Не думаю, что мне бы это тоже понравилось.

Камилла, которая послушала историю о её биологическом сыне, продолжала цокать языком. Было довольно неприятно видеть бабушку Директрису, которая совершенно не понимала её слов.

— Какому ребёнку понравится, что их родитель больше заботится о других детях, чем о нём?

С точки зрения детей-сирот они очень хорошие люди. Она удивлялась, откуда на свете так много хороших и добродетельных людей.

Но с точки зрения ребёнка?

«Разве это не самое ужасное?»

Что чувствовал сын, когда его с раннего возраста воспитывали так же, как сирот? Как можно относиться к своим родителям, которые всегда в первую очередь заботились о сиротах?

— Это бабушка виновата.

Мог ли он почувствовать привязанность своих родителей и любовь своей семьи?

Дети испытывают различные эмоции от более простых вещей, чем кажется. Когда к тебе относятся не так, как к другим, самооценка повышается или снижается.

Когда ты получил больше комплиментов, чем другие дети, когда тебя больше гладят. Приходит понимание, что ты особенный, и понимаешь, что нравишься другому человеку. Вот так и поднимается твоя самооценка.

— Но что, если к ребёнку будут относиться так же, как к другим детям?

И не просто кто-то, а родные родители?

[Я всегда любила своего сына. Разве это неправильно – любить других детей так же?]

Неужели эта женщина и правда так думает? Как можно одинаково любить своего собственного ребёнка и чужого ребёнка? Удивительно, что это возможно.

«Но».

Видимо поэтому и её хотят назначить новым Богом.

— Ваш сын знал?

[Что?]

— Что мать любила его.

[Конечно...]

— Хорошо.

Камилла покачала головой.

— Говорят, что ты всегда понимаешь любовь семьи, даже когда тебе не говорят этого...

Это действительно? Она точно этого не знала, потому что у неё никогда не было нормальной семьи.

— Но иногда стоит поговорить, что развеять все сомнения.

[...]

Бабушка Директриса больше не могла спокойно говорить.

Она думала, что проявила достаточно родительской любви к своему сыну, верно?

Разве неправильно любить других детей одинаково, не дискриминируя никого?

«Мама! Я получил 100 баллов по этому тесту!»

«Ты проделал отличную работу, сынок».

«Хе-хе».

«Мама должна приготовить для тебя сегодня что-нибудь вкусненькое».

«Действительно?»

«Конечно. Давай сегодня вместе пойдём домой пораньше...»

Бам!

«Директриса! Дженни наконец-то освоила все буквы!»

«Невероятно! Действительно?! Дженни потрясающая!»

«Мама, я...»

«Дженни, Директриса приготовит тебе сегодня что-нибудь очень вкусное. Хеман, поужинаем сегодня здесь».

«...Да».

Почему она вдруг вспомнила то событие? Образ её сына, хвастающегося, когда он принёс свою первую контрольную работу с оценкой «100», тогда ему было девять.

Ребёнок, который беспомощно кивал в ответ на её слова...

[Если Хеман узнает, что я так сильно любила его, откажется ли он от мысли разрушения детского дома?]

— Полагаю, что да.

Если он осознает любовь своей матери, то, по крайней мере, не разрушит детский дом, о котором она заботилась, пока не умерла?

[Могу я попросить об одолжении?]

* * *

— Добро пожаловать.

Хеману, заведующему детским домом, пришлось столкнуться с неожиданным человеком. Это было потому, что к нему с раннего утра пришёл гость.

Если бы посетителем был кто-то другой, он бы нахмурился, но, если гостем была одна из немногих Принцесс в Империи, история была бы другой.

— Я слышал, что вы посещали наш детский дом несколько дней назад.

Спонсорство всегда приветствуется.

— У меня есть какая-то связь с этим местом.

— Связь?

— Я очень хорошо знала вашу мать.

— ...Что?

Он никогда раньше об этом не слышал. Ни от своей матери, ни от других работников.

— У нас были отношения, в которых мы делились своими опасениями.

— ...Что?

Выражение лица Хемана стало ещё более удивлённым.

«Как?»

Как бы усердно он ни думал об этом, то не мог этого понять. Это потому, что между его матерью и семьёй Сорфель не было контакта.

Он слышал, что Принцесса Камилла тоже не так давно впервые посетила детский дом. Но она знала его маму?

— Я должна вам кое-что передать.

— Мне?

Камилла немедленно сменила тему, прежде чем Хеман стал копаться глубже.

— То, что вам оставила ваша мать после смерти.

Когда Камилла искоса взглянула на Дормана, который тихо стоял в стороне, он поставил на стол довольно большую коробку.

— Что это?

— Я не знаю.

— Вы не знаете?

— Меня только об одном просили. Передать эту коробку вам, когда она умрёт.

Камилла, на мгновение взглянув на Хемана, у которого стало ещё более удивлённое выражение лица, немедленно поднялась со своего места, прежде чем он продолжил расспрашивать.

— Нет, вы уже уходите? Может, чай...

— Не нужно чаю. Я его дома пила.

Вместе с ней Хеман поспешно поднялся со своего места.

— Вы не обязаны меня провожать.

— А, да.

Камилла быстро покинула место, оставив лёгкое прощание рукой.

Бам.

Как только дверь закрылась, его взгляд снова обратился к коробке.

— Что это...

И всё же на его лице было написано множество вопросов. Что, чёрт возьми, было в этой коробке, которую его мама оставила Принцессе?

Щелчок.

Хеман, открывший деревянную коробку, слегка нахмурился, увидев сваленный внутри хлам. Это было буквально настоящее сборище хлама.

— Что это, чёрт возьми, такое?.. Хм?

Затем, после детальной проверки содержимого, его глаза начали подрагивать.

— Это...

Первое, что бросилось ему в глаза, была книга. Его любимая книга, когда он был маленьким.

— Только не говорите мне...

Хеман поспешно проверил и другие предметы.

<http://tl.rulate.ru/book/74894/3265609>